

**«Добрыня» Н.А. Львова и творчество А.С.Пушкина:
еще раз к проблеме влияния**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
Гуманитарного научного фонда. № проекта: 12-04-0021*

Наряду с системным исследованием проблемы «Пушкин и XVIII век» (см., например, обобщающую монографию [Стенник 1995]), существует несколько работ, посвященных отдельным вопросам отношений русской литературы XVIII века и творчества Пушкина, в частности, последнее время возрос интерес и к теме «М.Муравьев и Пушкин» – появились попытки комплексно подойти к решению данной проблемы (обзор научной литературы по теме см. [Топоров 2003, 2: 801-874]). При этом мы можем говорить лишь о точечной изученности в произведениях А.С.Пушкина следов творчества одного из ближайших друзей М.Н.Муравьева, Н.А.Львова. Наиболее исследованным и научно обоснованным является обращение Пушкина к поэме Львова «Добрыня» (см. литературу по вопросу в: [Старк 2001; Лебедева 2008]). Далее мы тезисно определим круг вопросов, решение которых необходимо для полного понимания роли львовской поэмы для творчества Пушкина.

Пушкин впервые ознакомился с «Добрыней» еще в Лицее и обращался к ней в ходе работы над «Русланом и Людмилой» [Кошелев 2001: 344]. Однако мнение, например, Ю.В.Стенника о «Руслане и Людмиле» как произведении «противостоящем» предшествующей традиции предромантической поэмы [Стенник 1995: 101-103] в данном конкретном случае следует несколько скорректировать: поэма Львова по ряду характеристик скорее предугадывает важные особенности поэтики «Руслана и Людмилы», а не находится в полной оппозиции к пушкинскому творению.¹ Так, сходна в обоих произведениях цементирующая текст авторская инстанция – она представлена рядом масок иронического модуса. Если у Пушкина «главная роль в ироническом подтексте «Руслана и Людмилы»

¹ Если перевести отношения «Добрыни» и «Руслана и Людмилы» в несколько другой план, то здесь присутствует скорее пародическое, нежели пародийное восприятие Пушкиным поэмы Львова (переосмысление и уточнение тыняновской концепции пародии применительно к ситуации начала XIX века см.: [Проскурин 2000: 170-174]).

принадлежит рассказчику» [Стенник 1995: 101] и «постоянное присутствие личности рассказчика в самом повествовании разрушает иллюзию атмосферы прошлого» [Стенник 1995: 101-102], то в «Добрыне» мы видим того же внутритекстового автора, наделенного «особыми полномочиями» – масками ироничного и самоироничного плана (о масках Львова и особенно маске «простака» см., к примеру: [Западов 1989]). Как и пушкинский повествователь, играет с читателем и львовский рассказчик, и, что важно, он также заявлен как современник читателя, важный элемент оппозиции «нынешнее – былое». Оппозиция эта, в свою очередь являющаяся составляющей оппозиции «чужое – свое», во многом определяет и идеологический каркас «Добрыни». В этой же связи предстает другой весьма важный элемент идеологической базы поэмы Львова – выбор собственно главного героя произведения. Для автора важно, чтобы он был «чисто русским»: «Нет, такого мне дайте витязя, // Как в чудесный век Володимира // Был принизистый сын Ременников, // Как Полкан бывал, иль как Лазарич» [Львов 1994: 196]. Последний из перечисленных героев старины здесь Еруслан Лазаревич, главный герой одной из лубочных повестей, язык которой «широко использует выражения, свойственные русской народной поэзии и древнерусской художественной словесности. Всем этим, вероятно, полюбился Еруслан Пушкину, сделавшему его героем своей знаменитой сказочной эпопеи. Эти же аргументы позволяют Львову ввести его в состав традиционно русских героев» [Милюгина 2009: 212]. В отличие от Бовы-королевича, являющегося героем явно заимствованного европейского сюжета, Еруслан гораздо более приближен к русскому фольклору – возможно, переход Пушкина от идеи создания поэмы о Бове к идее «Руслана и Людмилы» частично обусловлен и доводами Львова о необходимости привнесения «русскости» в литературу.

Уже на зрелом этапе творчества, Пушкин использовал творческую находку Львова в III главе «Евгения Онегина» [Кошелев 2001: 344] и напрямую, хотя и в слегка искаженной форме, процитировал строку из львовской поэмы в черновике «Путешествия в Арзрум» (данный вопрос представляется наиболее исследованным в научной литературе: [Старк 2001; Кошелев 2001; Лебедева 2008] и др.). При этом, вполне определенную «плотность» обращения Пушкина к поэме Львова мы можем наметить в самом конце 1820-х – начале 1830-х годов. Именно тогда, с одной стороны, Пушкин употребляет цитату из Львова, с другой – следует традициям львовской поэтики в «Путешествии Онегина» [Пашкуров

2010, 1]¹, с третьей – вступает в своих сказках в заочный диалог с решением Львовым «национального вопроса» в литературе.

Примечательно, что в двух первых, хронологически более ранних, случаях, обращения Пушкина к «Добрыне» оказываются в одной связке с одой Г.Р.Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», следы которой явственно обнаруживаются в обоих пушкинских творениях (ср.: [Татищева 1965, 14]). Ода эта впервые была напечатана в журнале «Друг просвещения», № 9 за 1804 год (стр.187-191). В этом же номере, на соседних страницах, также впервые, но уже после смерти автора, была опубликована и львовская поэма (на стр.196-207). Пушкин мог ознакомиться с «Добрыней» прочитав поэму либо в этом журнале, либо в одном из ее списков (наиболее полный на сегодняшний день их перечень см.: [Лаппо-Данилевский 2012: 272]). Мы можем говорить о вполне определенной взаимной ассоциативной актуализации в творческом сознании Пушкина державинского и львовского текстов, образовании единого семантического пространства, один элемент которого обуславливал появление другого. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения в направлении установления источника ознакомления Пушкина с «Добрыней» – ода Державина вполне могла оказаться на соседних с поэмой страницах не только в «Друге просвещения», но и в альбоме/тетради одного из знакомых поэта.

Другой вопрос, который требует своего разрешения, лежит в области особенностей развития русской литературы вообще – это вопрос о выборе «национальных» элементов при создании Пушкиным своих сказок. Учитывая знание поэтом «Добрыни» и следование некоторым творческим находкам Львова в области «своего» (= исконно русского) в «Руслане и Людмиле», определенный интерес представляет стремление Пушкина соединить в пределах одного произведения элементы народной сказки и лубочную номинацию героев [Ровинский 1900, 1: 284-285] – здесь можно говорить о своеобразном заочном творческом споре Пушкина и Львова. В «Добрыне» мы читаем об известном герое лубочных повестей Бове: «Я Бову-королевича // Не хочу петь, не русский он» [Львов 1994: 195], и далее – «Он из города Антона // Сын какого-то Гвидона, // Макаронного царя. // О пустом не говоря, // Хлеб ему наш полюбился, // Так он к нам

¹ В статье А.Н.Пашкурова рассматривается связь поэтики львовского «Ботанического путешествия...» и главы-путешествия «Евгения Онегина», но в пределы этой же «травеложной» системы можно ввести и «Добрыню» – законченное писателем введение в поэму по своему сюжету и характеристикам интрадиетического автора суть путешествие вполне в духе львовской традиции.

переселился // И давно в Москве учился // Щи варить и хлебы печь. // Тут он взял и русску речь» [Львов 1994: 195]. Между тем, как раз имена героев лубочного сюжета о Бове использует Пушкин в нескольких своих сказках (Гвидон, Салтан, Дадон), «пересаживая» их на русскую почву, вводя в народный жанр и сюжет – то есть, делая то, против чего как раз и восставал Львов. Более того, большинство стихов полиметрического «Добрыни» написаны нерифмованным пентоном и только 9 стихов о Бове написаны рифмованным 4-стопным хореем (точный подсчет по всей поэме см.: [Лаппо-Данилевский 2013: 89]) – для дополнительной демонстрации нехарактерности таких героев и размера для русской народной традиции. Между тем, именно этот, по Львову псевдонародный, размер использует в своих сказках Пушкин, наследуя его от поэмы Карамзина, Радищева и баллад Жуковского [Гаспаров 2000: 120-121], что дополнительно обостряет заочное противостояние творческих установок Львова и Пушкина и вводит поэму Львова в контекст поиска русской литературой начала XIX века национальной специфики.

Одним из хронологически завершающих «цикл» возможных обращений Пушкина к «Добрыне» является осмысление им личности и творчества Ломоносова в «Путешествии из Москвы в Петербург». Говоря, что «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II, он один является самобытным сподвижником просвещения» [Пушкин 1937-1959, XI: 249], – Пушкин, тем не менее, весьма негативно оценивает поэтическое творчество «Первого университета»: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его <...> утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты, и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым» [Пушкин 1937-1959, XI: 249]. Между тем, Пушкин в данном случае имеет прямого предшественника в лице Львова. Львов в «Добрыне» также, с одной стороны, говорит о Ломоносове как великой исторической личности: «Правда, был у нас сын усилия, // Он и трудности пересиливал // Дарованием сверхъестественным, // Легким делывал невозможное // Властью русского славословия» [Львов 1994: 197], с другой же, уже по-сумароковски, адресуя ему жесткую инвективу с разбором неудачных мест его сочинений [Львов 1994: 197-198] (анализ «двух правд» о Ломоносове в «Добрыне» см. подробно: [Абрамзон 2011: 142-150]). Примечательно, что и Львов, и Пушкин видят одним из главных недостатков поэзии Ломоносова отсутствие национального начала – творчество обоих писателей во многом определялось как раз стремле-

нием выразить его в своих произведениях и перестроить русскую литературу: у Львова – в большей степени на формальном уровне, у Пушкина – на содержательном.

Литература

1. *Абрамзон Т.Е.* «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные стра- ницы. – М., 2011.
2. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строрифика. – М., 2000.
3. *Западов В.А.* Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэти- ческая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сборник 16. – Л., 1989. – С. 56–75.
4. *Кошелев В.А.* «Разные народы разные каши варят»: об одной цитате Пуш- кина из Львова // Гений вкуса: Материалы междунар. науч-практич. конф., по- свящ. творчеству Н.А. Львова. – Тверь, 2001. – С. 339–347.
5. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Из истории одной мистификации: «Песня П<етра> С<еменовича> Львова» // Русская литература. – 2013. – №. 1. – С. 78–90.
6. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* К истории текста поэмы Н.А.Львова «Добры- ня» // LITTERARUM FRUCTUS: Сборник статей к 60-летию С.И.Николаева. – СПб., 2012. – С. 271–276.
7. *Лебедева О.Е.* А.С.Пушкин и Н.А.Львов // Петербургский Рериховский сборник: Вып. VII: Н.А.Львов. Жизнь и творчество: Ч.II. Культурное наследие. – СПб., Вышний Волочек, 2008. – С. 71–81.
8. *Львов Н.А.* Избранные сочинения. – Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.
9. *Милюгина Е.Г.* Н.А.Львов. Художественный эксперимент в русской культу- ре последней трети XVIII века: Дисс. ... докт. филол. наук. – Великий Новгород, 2009.
10. *Пашкуров А.Н.* Предромантическая загадка в поэтике Н.А.Львова и А.С.Пушкина: «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...» и «Евгений Оне- гин» // Вестник Московск. гос. обл. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 146–151.
11. *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М., 2000.
12. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л., 1937–1959.
13. *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. – СПб., 1900. – Т. 1.
14. *Старк В.П.* Львов и Пушкин: несколько сближений // Гений вкуса: Мате- риалы междунар. науч-практич. конф., посвящ. творчеству Н.А.Львова. – Тверь, 2001. – С. 331–339.
15. *Стенник Ю.В.* Пушкин и русская литература XVIII века. – СПб., 1995.
16. *Татищева Г.С.* Пушкин и Державин // Вестник ЛГУ – 1965. – №14. Сер. ист., яз. и лит. – Вып. 3. – С.106–116.
17. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т.II: Русская литература вто- рой половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. – М., 2003.